

Влияние потребления онлайн-новостей на участие в протестах

Резюме

События 2013 года в Украине и до этого в Египте, в 2011 году, показали, что протестная активность граждан может не только влиять на отдельные ветви власти, но и менять целые режимы. В данной статье мы рассматриваем индивидуальные факторы участия людей в протестах в 50 разных странах, как в автократиях, так и в демократиях. Анализ данных World Values Survey показал, что одним из ключевых факторов влияния на желание людей участвовать в протестах является чтение онлайн-новостей. Принимая во внимание данный факт, мы построили модель, которой демонстрируем, что еще объединяет людей, участвующих в протестах и на сколько силен эффект формационного фактора.

Ключевые слова: протесты, политические движения, политические коммуникации

Олеся Юрьевна Кольцова, доцент, кандидат социологических наук, НИУ-ВШЭ Санкт-Петербург, Лаборатория интернет-исследований, ekoltsova@hse.ru, +79119160736

Элеонора Киркиж, магистр социологии, НИУ-ВШЭ Санкт-Петербург, Лаборатория интернет-исследований, nkirkizh@hse.ru

Волна протестов, прокатившаяся в последние годы по миру – включая т.н. «Арабскую весну» и события в Украине – показали, что протестная активность граждан может не только влиять на отдельные ветви власти, но и менять целые режимы. Поэтому причины протестов представляют особый интерес для исследователей разных областей. Изучение этих причин имеет давнюю традицию в социальных науках. Следуя обзору, сделанному Далтоном и соавторами¹, эти причины можно условно разделить на три группы: наличие жалоб (grievances) и относительной депривации, то есть расхождения между ожидаемыми и наблюдаемыми условиями (в том числе – экономическими и политическими), доступность ресурсов (в том числе – навыков протеста и институциональных условий, например, отсутствия репрессий), и наличие определенных ценностей (например, пост-материалистических или левых убеждений). Все эти группы причин, а также ряд других, не раз изучались, однако, во-первых, это редко делалось в форме

¹ См. Dalton 2005.

межстрановых сравнений (исключения: Далтон и соавт.², Вельцель и Дёйч³ и нек. др.), а, во-вторых, межстрановые сравнения никогда не рассматривали такой фактор как влияние интернета, в виду новизны этого явления. Вместе с тем, как раз «Арабская весна» ставит вопросы о значении именно этого фактора: как указывает Труевцев⁴, в «Арабской весне» особенно впечатляет синхронность событий, что наталкивает на предположение о высокой роли средств коммуникации в этом процессе. Данная работа ставит задачу заполнить указанную лауну и проверить, насколько связь потребления интернета с протестным поведением устойчиво воспроизводится в разных странах.

Исследования связи интернета и протестов

Большинство исследований связи интернета и протестов носит локальный характер: это, в основном, работы, посвященные одной или нескольким странам. Многие из них выполнены в жанре качественных зарисовок, отчасти потому, что сбор количественных данных во время спонтанно возникающих уличных протестов довольно затруднителен. Есть также несколько работ, которые пытаются дать обобщающий анализ взаимодействия интернета и протестов в разных странах. Среди них следует выделить книгу Кастельса «Сети возмущения и надежды»⁵. Проследивая развития событий в таких разных странах, как Исландия, Тунис и другие, Кастельс отмечает, что всех их объединяет роль интернета как автономного пространства, свободного от контроля государств и корпораций. Это пространство, по мнению Кастельса, позволило людям делиться недовольством и надеждой, узнавать о единомышленниках, вырабатывать чувство общности и вместе преодолевать страх. Оно же послужило средством «социального заражения» протестной активностью других стран, во многих из которых протестанты добились серьезных изменений, несмотря на репрессивный характер политических режимов в этих странах. Вместе с тем, более ранняя работа Калафила и Боаса⁶ не приводит авторов к таким однозначным выводам: они отмечают, что далеко не во всех странах интернет и информационно-коммуникационные процессы имеют демократизирующий эффект. Также, как и Кастельс, авторы описывают по отдельности разные страны или группы стран: Китай, Кубу, арабские страны и др. Обе работы выполнены в качественной аналитической манере, без привлечения статистических доказательств.

Единственным известным нам количественным межстрановым сравнением роли интернета в протестах является исследование Волфсфельда⁷, проведенное на 20 арабских

² См. Dalton 2005.

³ См. Welzel 2012.

⁴ См. Труевцев 2012.

⁵ См. Castells 2012.

⁶ См. Kalathil 2003.

⁷ См. Wolfsfeld 2012.

странах. Он обнаруживает отрицательную корреляцию между интернет-проникновением и долей протестующих и объясняет это тем, что страны с наименьшим проникновением интернета – это как раз те страны, где наиболее низок уровень демократии, соблюдения прав человека и контроля над коррупцией. Автор утверждает, что именно такого рода политические проблемы и являются причиной протестов, а интернет-потребление лишь следует за ними. Автор доказывает это, демонстрируя данные о взрывном росте регистрации в Фэйсбуке уже после начала протестов.

Аналогичным образом, Гонсалес-Бейлон с соавт.⁸, изучая протесты в Испании в 2011 году, показали, что большинство людей, которые когда-либо писали твиты о протесте, подключились к этой теме уже после того, как протест начался, следуя примеру менее многочисленных «застрельщиков» темы. Это говорит о том, что Твиттер, вероятно, мог способствовать расширению первоначального круга участников уличных акций, однако на изначальное решение граждан выйти на улицы, видимо, повлияло что-то другое.

Лотан⁹ также попытался изучить роль микроблога Twitter во время революций в Тунисе и Египте в 2010-2011 годах на основании 300 тысяч твитов. Он выяснил, что сообщения отдельных людей о протестах были гораздо более способны генерировать ретвиты, чем официальные аккаунты СМИ в Твиттере, что может указывать на мобилизующую роль межличностных связей, опосредованных Твиттером. Однако напрямую это не доказывает связи между потреблением Твиттера и участием в протестах.

В этом смысле более эффективными оказываются опросные исследования. Опросы протестующих и не протестующих граждан Туниса, проведенные Брээр и соавторами¹⁰, показали, что среди протестующих присутствует значительная доля активных пользователей интернета. Похожие результаты получились при опросах протестующих в Египте, проведенных Туфекси и Вилсоном¹¹. Их регрессионный анализ показал, что Facebook действительно стал основным инструментом для получения информации о протестах. В России в электоральном цикле 2011-2012 годов, согласно опросам, анализируемым Волковым¹², протестующие также узнавали о протестах в первую очередь из Интернета (около 70%), во вторую – от друзей (около трети), тогда как население в целом узнавало о протестах из телевидения (около 80%). При этом сторонники протестов не составляли большинства среди потребителей интернета. Это говорит о том, что интернет был не причиной протестов, а средством для сторонников протестов о них вовремя узнать. Вместе с тем, Драчева и Щербак¹³ показали положительную корреляцию между

⁸ См. Gonzalez-Bailon 2013.

⁹ См. Lotan 2011.

¹⁰ См. Breuer 2015.

¹¹ См. Tufekci 2012.

¹² См. Волков 2012.

¹³ См. Драчева 2012.

региональным интернет-проникновением и числом протестов в российских регионах, что противоположно наблюдениям Вольфсфельда за арабскими странами. Оговоримся, что Вольфсфельд изучает индивидуальное участие в протестах на опросных данных, а Драчева и Щербак – количество протестов. Последнее – не очень точный показатель, так как протесты трудно сосчитать, не имея доступа к надежной полицейской статистике, а еще труднее оценить количество участников в них и «сложить» маленькие протесты с большими.

Как бы то ни было, все эти исследования указывают на то, что интернет, возможно, не являясь причиной протестов, является средством, облегчающим их организацию. Вместе с тем, контент-анализ твитов о протестах в США, Испании и Греции, проведенный Теокарисом и соавторами¹⁴, показал, что доля твитов, содержащих непосредственный призыв к протестам, а также вопросы организации и координации, была ничтожно мала. Таким образом, можно видеть, что исследования связи интернета и протестов разрознены и пока не дают однозначной картины, однако многие указывают на наличие взаимодействия интернета с другими причинами протестов.

Рассматривая эту проблему, Валенцуэла и соавторы¹⁵ обнаруживают статистически значимую связь участия в молодежных протестах в Чили с наличием у человека аккаунта в Фейсбуке и частотой его использования, однако более значимыми оказываются (в порядке возрастания): чтение газет, чтение онлайн-новостей и просмотр теленовостей. Также большее значение, чем Фэйсбук, имеет доверие к общественным институтам. Применительно к Египту и Тунису Аллагуи и Кублер¹⁶ указывают на большое значение безработицы, классового неравенства, коррупции и цензуры для протестной мобилизации, однако они не приводят доказательств этому. Труевцев¹⁷ также указывает на значение для Арабской весны религиозных расколов (по линии сунниты – шииты и исламисты – секуляристы) и субъективно дискриминированных социальных групп (бедуины, некоторые шейхи), хотя он также не основывается на количественных данных. Напротив, Цирель¹⁸ предлагает регрессионную модель для прогнозирования протестов в арабских странах, в которой основное значение имеет легитимность режима, но кроме этого уровень безработицы среди молодежи, доля безработных с высшим образованием среди молодежи и доля дискриминируемых национально-религиозных групп. На значение безработицы также часто указывают при анализе протестов Индигнадос в Испании. Однако в России другая ситуация: уровень дохода и образования протестующих в 2011-2012 годах был значимо выше, чем в целом по стране¹⁹. Хотя среди протестовавших

¹⁴ См. Theocharis 2014.

¹⁵ См. Valenzuela 2012.

¹⁶ См. Allagui 2011.

¹⁷ См. Труевцев 2012.

¹⁸ См. Цирель 2012.

¹⁹ См. Волков 2012.

преобладали представители либеральных и демократических взглядов, существенную долю составляли и представители других политических направлений, а объединяло их критическое отношение к уровню честности выборов и отчасти интернет как источник информации о протестах. Сходным образом, предиктором участия в движении Оккупай в Канаде являлась прежде всего идентификация с ценностями этого движения²⁰.

Таким образом, в разных странах наблюдаются разные причины участия в протестах. Кроме того, разнятся и причины участия в разных видах протестах. Так, Задорин и Стребков²¹ отмечают, что экономические причины, а именно срок задержки зарплат, были существенным фактором для забастовок в России в 1990-е годы, однако уличные демонстрации в тот же период не были связаны с экономикой. Представление об общих для многих стран предикторах протестов дают межстрановые сравнения, в частности, два исследования, проведенных на базе опросов проектов World Values Survey (WVS)²². Обе группы авторов предсказывают совокупное участие в разных типах протестов, однако Далтон и соавторы делают это на страновом уровне, а Вельцель и Дэйч строят двухуровневую модель, учитывающую характеристики и стран, и индивидов в них. Далтон и соавторы обнаруживают положительные эффекты переменных из всех трех выделенных ими групп (жалобы, ресурсы, ценности): ВВП на душу населения, доли счастливых людей, уровня демократии, эффективности правительства, исполнения законов и пост-материалистических ценностей, а также отрицательный эффект репрессий и индекса Джинни. Таким образом, люди больше протестуют в более богатых демократических странах с более эффективным и менее репрессивным правительством – очевидно потому, что там они оценивают риски как низкие, а шансы повлиять на правительство как высокие. Вельцель и Дэйч указывают на важность взаимодействия индивидуальных и страновых характеристик одного и того же типа: так, на участие в протестах влияют не только эмансипационные ценности индивида, но и распространенность этих ценностей в обществе. На нее ориентируется индивид, когда оценивает число единомышленников, свои риски и шансы на успех. Но, повторим, ни одно из этих исследований не рассматривает интернет как фактор влияния на протесты, так как основано на опросах, предшествовавших Арабской весне и сопутствующей волне «твиттер-революций».

Гипотезы

Чтобы надежно сравнивать участие в протестах разных индивидов в разных странах, необходимо изучать один и тот же вид протестов, поскольку, как мы видели из обзора, разные протесты могут быть связаны с разными причинами. По предыдущим исследованиям проекта

²⁰ См. Cameron 2009.

²¹ См. Стребков 2000.

²² См. Dalton 2005, Welzel 2012.

World Values Survey видно, что наиболее распространенным видом протестов являются мирные демонстрации, на которых мы и останавливаемся в этой работе. Как показывает обзор, интернет в данном случае выступает скорее всего не как средство организации, а как источник информации о протестах, поэтому, вероятно, наибольшее значение будет иметь не интернет-проникновение и не наличие аккаунта в социальных сетях, а потребление онлайн-новостей. Отсюда вытекает первая гипотеза:

H1: Вероятность того, что люди в разных странах будут участвовать в мирных демонстрациях выше в том случае, если они используют интернет в качестве источника новостей.

Кроме того, как видно из обзора, интернет, возможно, является не основным предиктором участия в протестах, что обуславливает необходимость учета и других причин. Однако он может усиливать действие некоторых из этих причин. Отсюда вытекает вторая гипотеза, которая в общем виде может быть сформулирована так:

H2: Люди, обладающие определенным признаком и одновременно использующие интернет как источник новостей, будут более склонны участвовать в мирных демонстрациях, чем потребители интернет-новостей и носители данного признака по отдельности.

Какие же это могут быть признаки? Во-первых, как указывает Вельцель, возможно, это признаки страны, а не индивида. В данной работе мы, однако, представляем результаты анализа индивидуальных признаков, тогда как страновые планируется изучать в дальнейшем. Во-вторых, в качестве контрольных переменных, вероятно, разумно рассматривать пол и возраст. И в-третьих, очевидно, значение будут иметь признаки из всех трех выделенных Далтоном групп: жалобы, ресурсы и ценности. Основываясь на обзоре литературы, мы предположили, что из группы «жалобы» значение будут иметь отсутствие работы и доход; из группы «ресурсы», помимо чтения онлайн-новостей, будут значимы потребление новостей из других источников, включая телевидение и друзей, а также образование; из группы «ценности» важными будут политические взгляды (левые – правые), общий интерес к политике, а также наличие пост-материалистических ценностей.

Здесь следует пояснить, что под пост-материалистическими ценностями в теории модернизации Инглхарта²³, лежащей в основе методики World Values Survey, понимается группа ценностей, которая начинает доминировать в обществе на определенном этапе его развития,

²³ См. Inglehart 2010.

когда оно преодолевает дефицит ресурсов, необходимых для выживания. Они включают в себя, во-первых, секулярно-рациональные ценности, приходящие на смену традиционным; для последних характерны важность религии, повиновение авторитетам, высокий уровень национальной гордости и традиционные семейные ценности (отрицательное отношение к разводам, абортам, эвтаназии и др.). Во-вторых, пост-материалистические ценности включают ценности самовыражения, а именно высокую ценность прав и свобод человека, политического участия, терпимости, охраны окружающей среды и здоровья. Они замещают собой ценности выживания, связанные с экономической и физической безопасностью и низким уровнем доверия. Наличие пост-материалистических ценностей у человека в WVS обычно измеряется одним из двух индексов пост-материализма (см. в разделе «Методы»). Кроме того, Вельцель выделяет близкое понятие эмансипационных ценностей, куда входят ценности толерантности, гендерного равенства, некоторые составные части индекса пост-материализма и индекс автономии, который также будет описан ниже. Опираясь на работу Вельцеля, мы предполагаем, что эмансипационные или пост-материалистические ценности в том или ином виде будут влиять на участие в протестах, но особенно во взаимодействии с потреблением онлайн-новостей.

Данные

В исследовании используется база данных World Values Survey, представляющая собой международный исследовательский проект для изучения ценностей в разных странах с помощью опросов. В каждой стране проводится опрос от 700 до 1500 респондентов в зависимости от численности населения страны. В каждой стране, входящей в выборку, присутствуют интервьюеры WVS, которым предоставляется опросник, составленный комитетом организации и адаптированный к каждой изучаемой культуре. В результате WVS предлагает более 430 переменных.

Рассматривается 49 стран из разных регионов мира: Африки, Ближнего Востока, Азии, Латинской, Северной Америки и Европы (см. Таблица 1). В выборку вошли не все 57 стран, доступных в шестой волне WVS, так как некоторые вопросы, находящиеся в фокусе исследования, не были заданы респондентам ряда государств, в частности, вопрос о чтении новостей в интернете. В исследовании используются данные шестой волны опросов, проведенных в 2010-2014 годах.

Зависимой переменной является участие респондента в мирных демонстрациях (участвовал или не участвовал), независимой основной – использование источника информации: интернет (не реже раза в неделю / реже, чем раз в неделю).

Вопрос для зависимой переменной звучит следующим образом:

“Пожалуйста, посмотрите на эту карточку. На ней перечислены формы политического протеста, в которых люди могут принимать участие. Для каждой из них скажите, пожалуйста, участвовали ли Вы когда-нибудь в таком мероприятии, могли бы участвовать или ни при каких обстоятельствах не стали бы участвовать в нем?”

Предлагаемые ответы: “участвовал”, “принял бы участие”, “никогда бы не участвовал”.

Вопрос для основной независимой переменной:

“Люди узнают о событиях в своей стране и в мире из разных источников. Я сейчас назову разные источники, укажите, пользуетесь ли Вы ими, и если да, то как часто”.

Один из предлагаемых ответов:

“Интернет: ежедневно, раз в неделю, раз в месяц, реже раза в месяц или никогда”.

Для того, чтобы проанализировать связь между протестами и интернетом по странам, вводится соответствующая переменная – страна, включающая 49 государств.

Методы

База данных WVS шестой волны предлагает 430 переменных, включая индексы. Для того, чтобы определить, какие из них будут включены в регрессионную модель, была проведена проверка на наличие связи между зависимой и всеми остальными переменными, имеющимися в WVS. Таблицы сопряженности для каждой пары переменных показали, что значимую сильную связь (выше 0,1) с зависимой переменной имеют 15 предикторов (см. Таблица 3). В число этих предикторов не входят пол, возраст, доход и отсутствие работы, поэтому в таблице их нет и в дальнейший анализ они не включены. Также, не все переменные из самой таблицы вошли в модель. Например, это «источник новостей: и-мейл», который сильно коррелирует с переменной «источник новостей: интернет». Переменные 4, 9, 10, 13 из таблицы 3 были объединены в индекс членства в общественных организациях. Индекс пост-материализма сконструирован авторами WVS в двух вариантах (переменные 3 и 5). Мы создается на основе трех

вопросов, каждый из трех переменных, каждая из которых измеряет относительную важность для респондента четырех задач в развитии страны²⁴. Первый набор задач содержит: высокий уровень экономического роста, высокую обороноспособность, большой учет мнения людей на работе и в обществе и задачу сделать города и села красивее. Второй набор включает: поддержание порядка в стране, большие возможности людей влиять на решения правительства, борьбу с ростом цен и защиту свободы слова. В третьем наборе предлагаются: стабильная экономика, борьба с преступностью, переход к более гуманному и не обезличенному обществу и переход к обществу, в котором идеалы ценнее денег.

Также следует отметить, что мы изначально исключили такие переменные как язык и этничность по причине их сильной корреляции со странами и очень большого количества значений, поэтому они не представлены в Таблице 3. В результате в анализ вошли следующие переменные:

1. «онлайн-новости» - использование интернета как источника новостей;
2. «друзья» - использование друзей как источника новостей;
3. «интерес к политике»;
4. «политические взгляды»;
5. «образование»;
6. «пост-материализм» - индекс пост-материалистических ценностей;
7. «индекс членства» - участие в организациях (политические партии, экологические сообщества, благотворительные организации и профсоюзы);
8. «индекс автономии» - включает переменные «важные качества ребенка: религиозность, послушание, независимость, настойчивость».

Далее мы применяем многоуровневую биномиальную логистическую регрессию, что обусловлено зависимой переменной, которая после преобразования принимает бинарный вид: 1 = “участвовал в протесте”, 0 = “не участвовал в протесте” (способ перекодирования переменных представлен в Таблице 2). Мы дихтомизировали зависимую переменную, так как нас интересует лишь факт участия индивида в протестах, но не его желание участвовать.

На внешнем уровне регрессии находятся страны, поскольку мы предполагаем, что зависимость участия в протестах от независимых переменных не одинакова в разных странах. Однако на данном этапе в моделях используются переменные только индивидуального уровня, а страновые различия учитываются через фиксированные эффекты стран и случайные коэффициенты наклона при независимых переменных.

²⁴ См. Held 2009.

Результаты и анализ

Проверяя гипотезы, мы построили несколько двухуровневых регрессионных моделей с разным составом независимых переменных (см. Таблицу 5). Для того, чтобы принять решение о включении индивидуальных переменных в эти модели, мы применили метод ступенчатого отбора, оценив вклад каждой независимой переменной в величину псевдо-R² в одноуровневой модели (Рис. 1). Результаты показывают, что все переменные значимы и вместе объясняют 5% дисперсии — порог, который предполагает, что модель значима. Таким образом, в модели остаются следующие переменные: (1) «интерес к политике», (2) «постматериализм», (3) «онлайн-новости», (4) «образование», (5) «политические взгляды», (6) «друзья», (7) «индекс автономии» и (8) «индекс членства».

Отметим также, что Рис 1 показывает, что самыми сильными переменными в модели являются «интерес к политике» и «онлайн-новости» — они описывают почти 3% дисперсии из 5%, в то время как такие переменные, как «друзья», «образование» и «политические взгляды» объясняют по 1%.

Далее, поскольку мы предполагали, что эффекты независимых переменных могут быть разными в разных странах, мы проверили существенность межстрановых различий зависимой переменной с помощью коэффициента ИСС²⁵. Решение о включении страновых эффектов в модель принимается, если ИСС не меньше 5%. Для нашей модели коэффициент ИСС равняется 0.140 (14%). Это означает, что есть все основания считать, что между странами в отношении объемов протестов есть разница.

Первая двухуровневая регрессионная модель содержит один предиктор — «онлайн-новости». Как видно из Таблицы 5, связь есть (Таблица 5, Модель 1). Однако будет ли значима данная связь, если мы предположим, что сила влияния онлайн-новостей на протесты в каждой стране разная? Модель 2 со случайным углом наклона регрессионной линии показывает, что связь по-прежнему есть: это говорит о том, что в каких-то странах онлайн-новости влияют на протесты сильнее, в каких-то слабее. Данную связь мы также демонстрируем на Рис 2, где по горизонтальной оси отложена доля читающих новости в интернете для каждой отдельной страны, а по вертикали — доля протестующих в данных странах.

Чтобы проверить независимость этой связи, мы добавили еще пять рассмотренных выше независимых переменных. Результаты регрессионного анализа со всеми этими переменными показывают, что чтение новостей в интернете по-прежнему имеет связь с зависимой переменной

²⁵ Koch, Gary G. (1982). "Intraclass correlation coefficient". In Samuel Kotz and Norman L. Johnson. Encyclopedia of Statistical Sciences 4. New York: John Wiley & Sons. pp. 213–217.

(Модель 3), хотя его роль уменьшилась почти в два раза. Таким образом, Гипотеза 1 подтвердилась. Другими словами, проконтролировав на остальные предикторы, мы можем утверждать, что в большинстве стран человек, который читает онлайн-новости, будет участвовать в протестах с большей вероятностью, чем тот, кто новости не читает. Обнаруженные эффекты мы иллюстрируем на Рис. 3, стандартизовав их вокруг среднего значения. В результате видно, что самое сильное влияние имеет переменная «интерес к политике», затем «онлайн-новости», «постматериализм», «друзья», «образование» и «политические взгляды». То же было продемонстрировано на Рис 1. Таким образом, с большей вероятностью будут участвовать в протестах люди, проявляющие интерес к политике, часто читающие новости в интернете, с более высоким уровнем образования, левыми взглядами и пост-материалистическими ценностями.

Чтобы оценить эффекты этих переменных в каждой стране, мы построили модель со всеми упомянутыми предикторами и со случайным наклоном регрессионной линии (Модель 4). Она показывает, что коэффициенты при предикторах увеличились, а это означает, что данная модель лучше описывает данные, что заметно также по значению коэффициента правдоподобия. Данные эффекты по странам также показаны на Рис 4.

Модели 5-11 (таблица 6) демонстрируют роль интерактивных эффектов чтения онлайн-новостей и остальных переменных, то есть показывают, насколько люди, читающие онлайн-новости и одновременно обладающие одним из семи других признаков, больше склонны к протестам, чем просто люди, читающие новости, и чем просто люди, обладающие одним из других признаков. Из результатов видно, что интерактивные эффекты переменной «онлайн-новости» не наблюдаются с переменными «друзья», «образование», «индекс членства» и «индекс автономии». Это говорит о том, что чтение новостей в интернете не усиливает склонность к протестам у людей, черпающих новости у друзей; у людей, имеющих высокий уровень образования, у людей, ценящих автономию, и у членов общественных организаций.

Между тем, три другие переменные - «интерес к политике», «постматериализм» и «политические взгляды» - показали довольно сильные интерактивные эффекты с переменной «онлайн-новости». Это означает, что, например, люди, интересующиеся политикой и при этом читающие новости в интернете, будут участвовать в протестах с большей вероятностью, чем те, кто политикой не интересуется, но читает новости, и чем те, кто интересуется политикой, но новости не читает. Это в целом ожидаемый результат.

Далее, люди с постматериалистическими ценностями, читающие онлайн-новости, с большей вероятностью будут участвовать в протестах, чем постматериалисты, игнорирующие онлайн-новости, и чем читатели онлайн-новостей, не разделяющие пост-материалистические ценности. Наконец, люди левых взглядов, читающие новости в интернете, будут участвовать в

протестах с большей вероятностью, чем граждане правых взглядов, читающие новости, и чем граждане левых взглядов, не читающие новости. Таким образом, гипотеза 2 подтвердилась частично.

Выводы и дискуссия

В нашем исследовании мы продемонстрировали, что чтение онлайн-новостей оказывает самостоятельное воздействие на участие людей в мирных демонстрациях; это воздействие не сводимо к другим причинам и устойчиво воспроизводится в разных странах. Правда, усиление вероятности выхода людей на протесты, производимое интернетом, не одинаково в разных странах: так, оно слабее всего в Перу, России и Казахстане, а сильнее всего – в Пакистане, Египте и Тайланде. Почему страны расположены на шкале силы влияния интернета на протесты именно так, требует дальнейшего изучения, однако важно уже то, что в выборке нет ни одной страны, где бы чтение онлайн-новостей ослабляло склонность людей к демонстрациям. Показательно, что протестам также способствует получение новостей и от друзей и коллег, а вот смотрит ли человек телевизор – совершенно не важно. Это говорит о том, что телевидение – как правило, наиболее подконтрольное политическим элитам средство коммуникации – смотрят и лояльные государству, и оппозиционно настроенные граждане, но только последние более склонны прибегать к альтернативным и менее зависимым источникам информации. Важность в этой связи личного общения указывает на то, что при недоступности интернета именно оно, скорее всего, станет основным средством коммуникации и протестной мобилизации.

Другими значимыми факторами влияния, которые можно отнести к категории «ресурсы» по Далтону, оказались образование и членство в общественных организациях – последние могут выполнять разнообразные функции включения в сообщество, обучения навыкам, мобилизации средств и другие. При этом несколько неожиданным оказалось отсутствие среди причин протестов каких-либо «жалоб» - очевидно, жалобы весьма ситуативны и разнятся не только от страны к стране, но и от протеста к протесту, поэтому их влияние трудно уловить в межстрановом сравнении.

Наиболее широко среди факторов влияния на участие в мирных демонстрациях представлена группа «ценности». Здесь наши данные подтверждают выводы Вельцеля: протестовать более склонны люди, интересующиеся политикой, причем с «левым уклоном», разделяющие ценности пост-материализма и автономии. Таким образом, это люди не столько угнетенные, сколько склонные пытаться улучшить свою жизнь и свое общество. Примечательно, что эффект интернета усиливается во взаимодействии именно с ценностями, а не с другими ресурсами. Вероятно, ценности заставляют людей искать ресурсы (или, по крайней мере,

онлайн-новости), а глубина и характер проблем, которые люди хотят решить, может быть различной.

С другой стороны, эти проблемы могут быть не индивидуальными, а страновыми характеристиками: так, протест может вызвать не отсутствие работы у протестующего, а высокий уровень безработицы в стране, который внушает страх потерять работу. А отсутствие демократических свобод и возможности реализации своих прав вообще возможно только в обществе в целом, а не для одного конкретного индивида. Тот факт, что есть категория людей, читающих онлайн-новости и участвующих в протестах вне зависимости от каких-либо других признаков индивидуального уровня, так же свидетельствует о том, что эти люди могут находиться в странах определенными свойствами. А это значит, что одним из направлений дальнейшего исследования может стать анализ данных с привлечением переменных странового уровня, когда мы сможем проверить эффекты воздействия на протесты таких факторов как ВВП или политический режим.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Страны, включенные в анализ

Австралия	Германия	Йемен	Малайзия	Перу	Таиланд	Филиппины
Азербайджан	Грузия	Казахстан	Мексика	Польша	Тайвань	Чили
Алжир	Египет	Кипр	Нигерия	Россия	Тринидад и Тобаго	Швеция
Аргентина	Зимбабве	Киргизстан	Нидерланды	Руанда	Тунис	Эстония
Армения	Индия	Колумбия	Новая Зеландия	Румыния	Турция	Южная Африка
Бразилия	Ирак	Ливан	Пакистан	Словения	Украина	Южная Корея
Гана	Испания	Ливия	Палестина	США	Уругвай	Япония

Таблица 2. Переменные

Переменная	Описание	Кодировка
Пост-материалистический индекс	1 - материалист	1 - материалист
	2 - смешанный	2 – смешанные,
	3 – пост-материалист	пост-материалист
Друзья как источник информации	1 - каждый день, 2 - каждую неделю,	1 - часто (каждый день, каждую неделю)

(узнаю новости от друзей)	3 - раз в месяц, 4 - реже, чем раз в месяц	0 - редко (раз в месяц, реже, чем раз в месяц)
Образование (в каком возрасте закончено)	возраст окончания образования	среднее (образование получено до 20 лет) высшее (образование Получено после 20 лет)
Интерес к политике	1 - очень интересуюсь 2 - отчасти интересуюсь 3 - не интересуюсь 4 - совершенно не интересуюсь	1 – интересуюсь (очень интересуюсь, отчасти интересуюсь) 0 - не интересуюсь (не интересуюсь, совершенно не интересуюсь)
Политические взгляды	От 1 до 10, 1 – левые, 10 – правые.	1-4 - левые 5-10 - правые

Таблица 3. Значимые корреляции переменных WVS с зависимой переменной

1. Интерес к политике (Interest in politics)	0.175
2. В каком возрасте вы закончили учиться? (What age did you complete your education)	0.139
3. Постматериалистический индекс (Materialist/postmaterialist 12-item index)	0.136
Последние два года жертвовал деньги экологическим организациям (Past two years: given money to ecological organization)	0.136
4. Активный или пассивный член гуманитарной или благотворительной организации (Active/Inactive membership: Humanitarian or charitable organization)	0.134
5. Постматериалистический индекс (Post-materialist index, 4-item)	0.125
6. Источник информации: Интернет (Information source: Internet)	0.123
7. Политические взгляды (Political views)	0.119
8. Оправданно: Гомосексуализм (Justifiable: Homosexuality)	0.119
9. Активный или пассивный член политической партии (Active/Inactive membership: Political party)	0.117
10. Активный или пассивный член организации по охране окружающей среды (Active/Inactive membership: Environmental organization)	0.116
11. Индекс автономии (Autonomy index)	0.111
12. Источник информации: Электронная почта (Information source: E-mail)	0.111
13. Членство в профессиональном сообществе (Membership: professional association)	0.101
14. Источник информации: разговоры с друзьями и коллегами (Information source: talk with friends and colleagues)	0.1

Таблица 4. Корреляции переменных индивидуального уровня

Полит.	Постматер.	Онлайн-	Друзья	Образование	Интерес
--------	------------	---------	--------	-------------	---------

	взгляды	индекс	новости			к политике
Полит. Взгляды	1,00					
Постматер. Индекс	-0,05	1,00				
Онлайн- новости	0,07	-0,15	1,00			
Друзья	0,02	-0,02	0,26	1,00		
Образование	-0,05	0,06	-0,19	-0,10	1,00	
Интерес к политике	-0,06	-0,08	0,09	0,06	-0,08	1,00

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа

	Протесты (1;0)			
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Онлайн-новости (читаю; не читаю)	0.631 (0.024)***	0.686 (0.069)***	0.330 (0.031)***	0.361 (0.062)***
Друзья как источник информации (да; нет)			0.295 (0.039)***	0.288 (0.061)***
Образование (закончили после 20 или до 20 лет)			- -0.348 (0.029)***	- -0.340 (0.038)***
Интерес к политике (есть; нет)			0.656 (0.029)***	0.700 (0.054)***
Постматериалистический индекс (материалист; постматериалист)			- 0.415 (0.040)***	- 0.348 (0.060)***
Политические взгляды (левые, правые)			- -0.569 (0.033)***	- -0.485 (0.074)***
Индекс членства			0.879 (0.034)***	0.928 (0.071)***
Индекс самоуправления (зависимость, смешанный, независимый тип людей)			- 0.100 (0.032)**	- 0.097 (0.042)*
			0.252 (0.048)***	0.220 (0.079)**
Random slope	No	Yes	No	Yes
Country	Yes	Yes	Yes	Yes
Наблюдения (N)	67 691	67 691	51 646	51 646
Страны	49	49	49	49
Likelihood	-25111.9	-25025.4	-18214.3	-18033.0

Significance codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

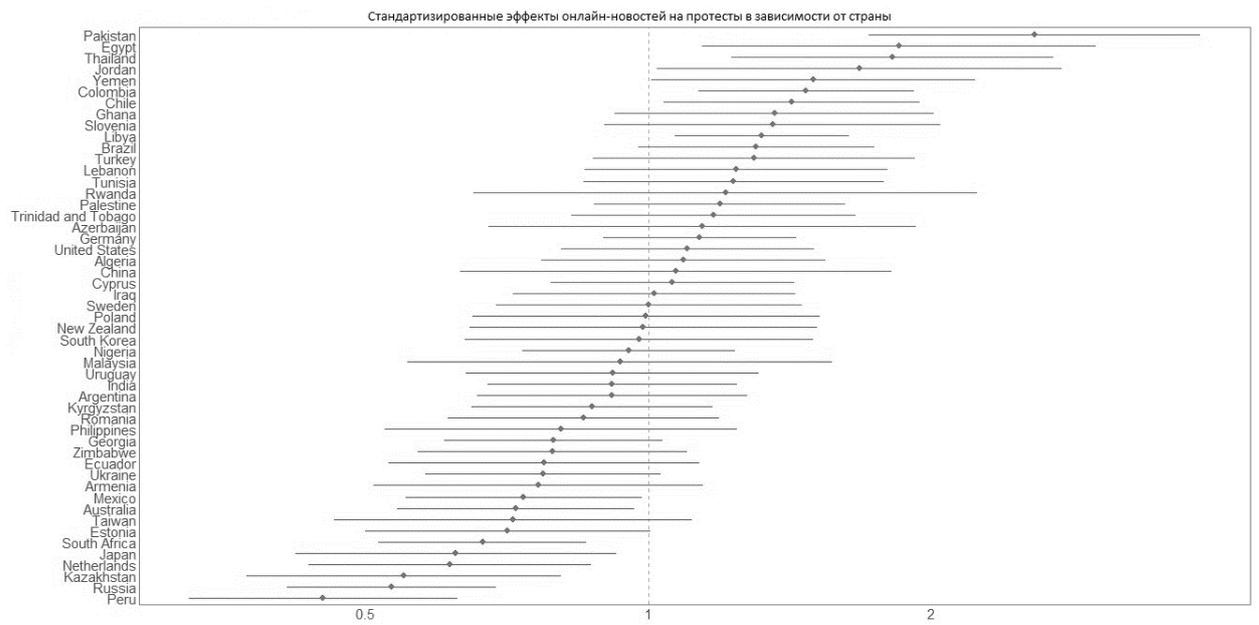

Рис. 3

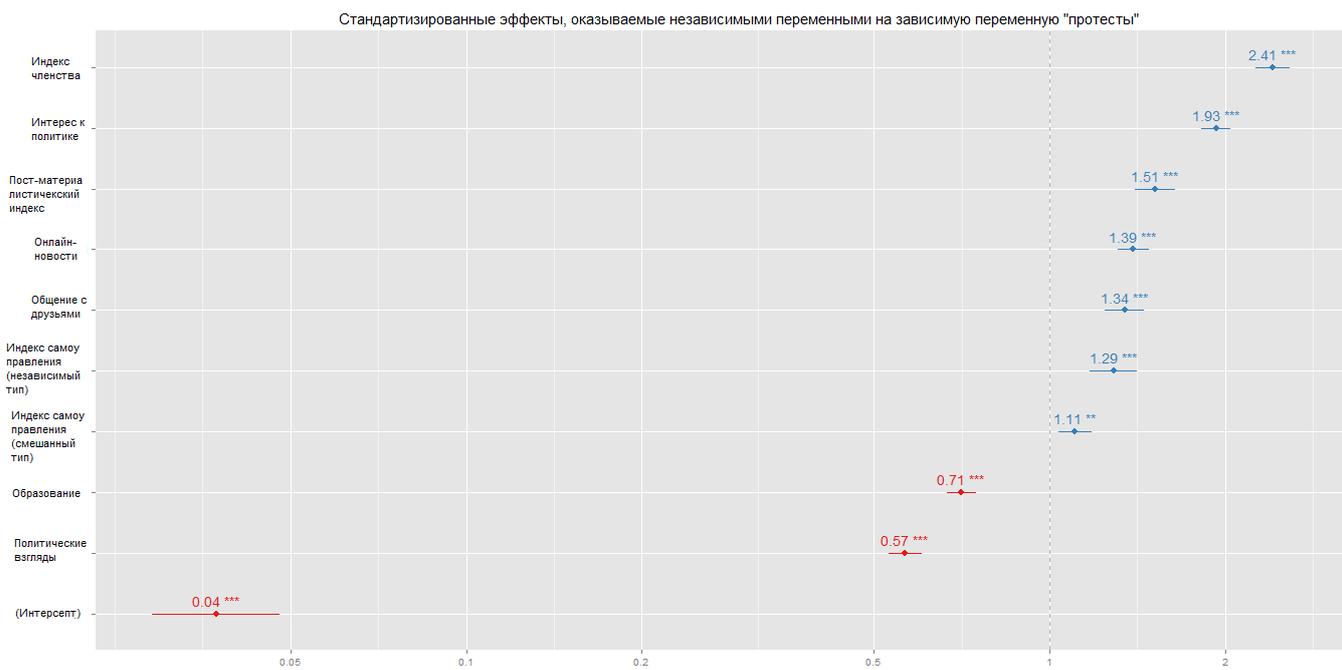

Рис. 4.

Таблица 6. Мультипликативные эффекты

	Протесты (0;1)						
	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9	Модель 10	Модель 11
Онлайн-новости (не читаю; читаю)	0.435 (0.077)***	0.366 (0.045)***	0.235 (0.047)***	0.293*** (0.032)	0.502*** (0.060)	0.452 (0.085)***	0.340*** (0.052)
Друзья как источник информации (нет; да)	0.337 (0.049)***	0.295 (0.039)***	0.296 (0.039)***	0.292 (0.039)***	0.295 (0.039)***	0.295 (0.039)***	0.295 (0.039)***
Образование (закончили после 20 или до 20 лет)	- -0.348 (0.028)***	- -0.311 (0.045)***	- -0.348 (0.029)***	- -0.347 (0.029)***	- -0.348 (0.029)***	- -0.348 (0.029)***	- -0.348 (0.029)***
Интерес к политике (нет; есть)	0.656 (0.029)***	0.656 (0.029)***	0.573 (0.042)***	0.656 (0.029)***	0.654** (0.029)	0.656 (0.029)***	0.656 (0.029)***
Постматериалистический индекс (материалист; постматериалист)	- 0.415 (0.040)***	- 0.414 (0.040)***	- 0.414 (0.040)***	- 0.194 (0.071)***	- 0.411*** (0.040)	- 0.415 (0.040)***	- 0.415 (0.040)***
Политические взгляды (левые, правые)	- -0.569 (0.033)***	- -0.569 (0.033)***	- -0.567 (0.033)***	- -0.567 (0.033)***	- -0.442*** (0.051)	- -0.570 (0.033)***	- -0.569 (0.033)***
Индекс членства	0.880 (0.034)***	0.879 (0.034)***	0.879 (0.034)***	0.880 (0.034)***	0.880 (0.034)***	0.933 (0.048)	0.879 (0.034)***
Индекс автономии (зависимость, смешанный, независимый тип людей)	- 0.100 (0.032)**	- 0.100 (0.032)**	- 0.101 (0.032)**	- 0.099 (0.032)**	- 0.099 (0.032)**	- 0.100 (0.032)**	- 0.106 (0.044)*
	0.252 (0.048)***	0.251 (0.048)***	0.252 (0.048)***	0.250 (0.048)***	0.251 (0.048)***	0.251 (0.048)***	0.262 (0.076)***
Друзья как источник информации (нет; да) * онлайн-новости (не читаю; читаю)	-0.121 (0.082)						
Образование (закончили после 20 или до 20 лет) * онлайн-новости (не читаю; читаю)		- -0.062 (0.057)					
Интерес к политике (нет; есть) * онлайн-новости (не читаю; читаю)			0.154** (0.056)				
Постматериалистический индекс (материалист; постматериалист) * онлайн-новости (не читаю; читаю)				- 0.326 (0.085)***			
Политические взгляды (левые, правые) * онлайн-новости (не читаю; читаю)					- -0.219*** (0.066)		
Индекс членства * онлайн-новости (не читаю; читаю)						-0.094 (0.061)	

Индекс автономии (зависимость, смешанный, независимый тип людей) * онлайн-новости (не читаю; читаю)							- -0.012 (0.062) -0.021 (0.094)
Random slope	No						
Country	Yes						
Наблюдения (N)	51 646	51 646	51 646	51 646	51 646	51 646	51 646
Страны	49	49	49	49	49	49	49
logLikelihood	-18213.2	-18213.7	-18210.6	-18206.9	-18208.8	-18213.1	-18214.2

Библиография

Волков Д. 2012. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг: запрос на демократизацию политических институтов. // Вестник общественного мнения. №2(112).

Драчева Е. 2012. Политический интернет и гражданское общество на выборах 2011-2012 гг // Щербак А. Публичная политика.

Труевцев К. М. 2012. “Арабская весна” – ход, акторы, технология и промежуточные итоги // Полития. №1 (64).

Стребков Д.О. 2000. Экономические детерминанты протестного поведения населения России // Экономическая социология. Том 1, №1.

Цирель С.В. 2012. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах // Коротаяев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. (ред.) Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. – М.

Allagui I. 2011. The Arab Spring and the Role of ICTs, Editorial Introduction // Kuebler J. International Journal of Communication. №5.

Breuer T. 2015. Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the Tunisian Revolution // Landman T., Farquhar D. Democratization. №22(4).

Cameron J. 2009. Predictors of Protest among Anti-Globalization Demonstrators // Nickerson S. Journal of Applied Social Psychology. №39(3).

Castells M. 2012. Networks of Outrage and Hope. – С.

Dalton R. et. al. 2005. The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest // van Sickle A. The Center for the Study of Democracy Working Papers. – I.

Gonzalez-Bailon S. 2013 Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion / Borge-Holthoefer J., Moreno Y. American Behavioral Scientist. №50(7).

Held M. 2009. Value Structure and Dimensions. Empirical Evidence from the German World Values Survey // Muller J., Deutsch F., Grzechnik E., Welzel C. World Values Research. №2(3).

Inglehart R. 2010. Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy // Welzel C. Perspectives on Politics. 8(2).

Kalathil K. 2003. Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule // Boas T. – W.

Lotan G. 2011. The Revolutions Were Twitted: Information Flows During the 2011. Tunisian and Egyptian Revolutions // Wilson C. International Journal of Communication. №5. 62.

Theocharis Y. 2014. Using Twitter to Mobilise Protest Action: Transnational Online Mobilisation Patterns and Action Repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados and Aganaktismenoi Movements // Lowe W., van Deth J. Information, Communication & Society. №18(2).

Tufekci Z. 2012. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observation from Tahrir Square // Journal of Communication.

Valenzuela S. 2012. The Social Media Basis of Youth Protest Behavior: The Case of Chile // Arriagada A., Scherman A. Journal of Communication. № 62.

Welzel C. 2012. Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of 'Ecological' Effects // Deutsch F. British Journal of Political Science. № 42.

Wolfsfeld G. 2012. Social Media and the Arab Spring Politics Comes First // Segev E. International Journal Press/Politics. №18 (2).